

Если человек действительно меняет душу, первыми это должны заметить близкие, которые лучше всего знали прежнего хозяина тела. Даже если внешность и голос остались прежними, каждое его действие будет принадлежать другому человеку.

В старом районе на западе города бурная городская реконструкция внезапно оборвалась на противоположной стороне улицы. Здесь жили в основном пожилые люди. Они наблюдали, как город постепенно превращается из живописного места в бетонные джунгли, как небо становится серым, как время безжалостно превращает когда-то прекрасных деревенских красавиц в седовласых старух.

В нешироком переулке плющ, словно страстная женщина, опутывал стены и дома, возлагая на них пышные зеленые шапки. Иногда залетала неизвестно откуда бабочка, задерживалась на миг и улетала бог весть куда.

В середине переулочка стоял домик с историей. Часть стены, выходящей на улицу, снесли, из красного кирпича построили небольшую пристройку, которая служила входом. Над ней висела вывеска, выцветшая от ветра и солнца, с едва различимыми семью иероглифами: «Ателье „Непобедимый Север“».

Бай Жулянь ловко управлялась с иглой, и кусок ткани в ее руках за несколько мгновений превратился в алый бутон. Она вздохнула: сейчас пуговицы делают из металла и пластика, выглядят красиво, но разве в них есть душа, как в ручной застежке?

Стрелки часов показывали ровно. Она потерла затекшие руки, встала и подошла к угольной печурке у входа. На ней варился только что изученный бульон из лекарственных трав — для укрепления инь и ян, а также защиты голоса.

В этот момент к входу в переулок подошел высокий статный красавец. Бай Жулянь мельком взглянула на его дорогие брюки и рубашку, но тут же перевела внимание на лекарственную кашу. Клиенты ателье «Непобедимый Север» были в основном пожилыми людьми, а молодежь любила фасоны, которые она не могла шить.

Мужчина шагал уверенно, подошел к ней и остановился. Голос его был низким:

— Вы тетя Бай? Меня зовут Цинь Сун.

Бай Жулянь выпрямилась. Имя показалось знакомым, она нахмурилась, припоминая, и неуверенно спросила:

— Это тот, кто голосовал за Цзиньиня в отборочном туре?

Увидев, что Цинь Сун кивает, Бай Жулянь засуетилась: схватила раскладной стульчик, принялась заваривать чай и наливать воду, смущенно приговаривая:

— Я все время слышала от Цзиньиня, что вы оказали ему огромную помощь, думала как-нибудь зайти с благодарностью... Цзиньинь дошел до этого этапа только благодаря вам... Ох, я простая портниха, ничего не умею говорить. Может, сошью вам парочку стелек? Вот узоры: сорока на сливе, сосна и журавль, цветы и богатство, «Старик толкает тележку», «Гуаньинь сидит на лотосе»... Какой вам нравится?

Цинь Сун промолчал.

Перед приходом Цинь Сун долго думал, как начать разговор.

Он не мог напрямую спросить Бай Цзиньиня. Если бы не внимание полиции, он мог бы действовать по плану: постепенно сближаться, медленно узнавать.

И Хуэй переродился в Бай Цзиньиня, потеряв память. Что случилось в промежутке — неизвестно, но судя по нескольким встречам, И Хуэй, вероятно, потеряв память о прошлой жизни, потерял и понимание этого мира. Это объясняло его странное поведение и манеру общения.

Если инцидент с зомби в медицинском университете действительно связан с ним, и И Хуэй после перерождения получил способности, выходящие за рамки законов природы, Цинь Сун понимал: как только правда всплывет, он не сможет это остановить.

Цинь Сун немного помолчал, учитывая серьезность ситуации, и решил перейти сразу к делу:

— Тетя Бай, я хочу поговорить с вами о Цзиньине. Вы не заметили, что с ним что-то не так?

— Как не заметить, — Бай Жулянь, продолжая водить иглой с узором «Гуаньинь сидит на лотосе», кивнула. — Он слишком усердно готовится к конкурсу, плохо ест и плохо спит, все время бормочет, что боится подвести ваше доверие. Ребенок не умеет красиво говорить, но в сердце он всегда помнит вашу доброту...

— Тетя, я не об этом, — Цинь Сун понизил голос, глядя прямо в глаза Бай Жулянь. — Вы не заметили, что он как будто стал другим человеком?

— А? — Улыбка сошла с лица Бай Жулянь, и она вдруг щелчком пальца отправила швейную иглу в полет, пронзив назойливую муху, которая жужжала вокруг Цинь Суна, и прибив ее к деревянному столу.

Цинь Сун растерялся.

На игле была тонкая розовая нитка. Бай Жулянь, словно легендарный отшельник-мастер, крючком пальца вернула иглу обратно.

Она прищурилась, изучая глаза Цинь Суна, и пробормотала:

— Я с детства практикую технику «Летящая игла». В радиусе трех метров убить муху или комара для меня проще простого.

У Бай Жулянь было мало светлых полос в жизни. В молодости, прославившись как лучшая портниха на десять округов, она вышла замуж за высокого красивого мужчину, хоть и бедного, как церковная мышь. На третий год брака муж изменил, и она чисто и быстро взяла развод, обменяв все имущество на опеку над сыном — Бай Цзиньинем.

Она была маленькой и хрупкой, смуглой и некрасивой. Жизнь швыряло ее из стороны в сторону, но что с того? У нее был сын — милovidный, беленький, как фарфоровая кукла.

Женщина по природе слаба, но мать становится крепкой.

Более двадцати лет ветров и дождей, игла в руках менялась раз за разом, она старела, взгляд тускнел, но ее надежда, продолжение ее жизни — Бай Цзиньинь — вырос, превратившись в красивого парня, любящего петь.

Портниха вырастила артиста — чем не гордость?

До того дня, когда она с ужасом обнаружила, что смысл всей ее жизни, ее любимый сын стал другим человеком.

Сначала характер резко изменился: раньше, приходя домой, он болтал без умолку, а стал молчаливым. Потом однажды она сварила суп с ребрышками, а Бай Цзиньинь положил большой кусок имбиря и жевал с аппетитом.

Сын, которого она вырастила, хоть семья и не была богатой, был избалован, и у него было много вредных привычек, особенно в еде: не ел лук, имбирь, чеснок, кинзу, баранину, морепродукты и все, где были кости.

Бай Жулянь заподозрила неладное и начала проверять, готова всякие неестественные блюда.

Однажды, когда Бай Цзиньинь вышел, она зашла в комнату убираться. На кровати было чисто, одеяло аккуратно сложено, но в пыли под кроватью виднелись следы от сна.

Прожив много лет, Бай Жулянь редко плакала. Она тайно наблюдала и проверяла снова и снова, пока не убедилась окончательно: человек перед ней — незнакомец, надевший кожу ее сына. Тогда она убежала за город и проплакала почти полдня.

Куда же делся ее сын?

Но как бы то ни было, это было тело ее сына. Бай Жулянь вытерла слезы и с чувством, непонятным другим, вернулась домой, приготовила праздничный ужин и отдала накопленные деньги тому, кто говорил, что может гарантировать сыну выход в финал.

В ту ночь, когда произошел инцидент в медицинском университете, она услышала шум. Глядя в щель двери, она увидела, как голый труп с черным полиэтиленовым пакетом на голове, с раздутыми мышцами, похожими на рваную вату, и кошка с белыми костями почтительно вошли в комнату Бай Цзиньиня.

Бай Жулянь взглянула на Цинь Суна, который ошеломленно смотрел на убитую муху, почувствовала, что демонстрация силы произвела впечатление, и снова улыбнулась:

— Господин Цинь, вы шутите. Как мой сын мог смениться?

Цинь Сун заметил промелькнувшую на ее лице грусть и печаль и понял, что попал в точку. Для него это было возрождение любимого, а для Бай Жулянь это, возможно, означало смерть сына.

— Тетя Бай, пожалуйста, верьте мне, — он посмотрел на женщину, которая старалась сохранить спокойствие, и твердо, медленно произнес. — Три года назад мой любимый человек без видимой причины покончил с собой, оставив предсмертную записку... И пока однажды я случайно не познакомился с вашим сыном и не обнаружил, что у него есть память моего любимого...

— Что вы сказали? — Бай Жулянь резко подняла голову. Игла случайно вонзилась в палец. Она по привычке поднесла палец ко рту, посасывая его, и пробормотала невнятно:

— О, ваш любимый покончил с собой? Как жалко.

На самом деле Бай Жулянь была в шоке: неужели сын с писюном превратился в девочку?

Цинь Сун подумал, что его рассказ успешно пробил стену молчания, и хотел продолжить,

углубляя тему, но вдруг лицо Бай Жулянь стало белым как бумага, на лбу выступил мелкий пот, и она медленно опустилась на пол.

Игла снова вонзилась в ее грубый палец, капля алой крови, прозрачная и кристальная, застыла, не падая.

Несколько дней спустя, после выхода саундтрека шоу «Он пришел, когда звезды заполнили небо», в этот жаркий летний день поднялась волна ажиотажа. Среди всех самым примечательным был Яо Бо. Его грубый, хриплый рок-голос был словно кактус среди тысячи цветов — сводил с ума слушателей, заставляя сердце биться чаще, а популярность его почти догнала Тань Цзыфэна.

<http://bllate.org/book/16788/1544038>